

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 30 Пятница, 2 (15) августа 1902 г. № 30

Вестминстерское аббатство.

27-го іюля, въ Лондонѣ, состоялось коронованіе англійскаго короля. Этотъ торжественный обрядъ произошелъ въ стѣнахъ Вестминстерскаго аббатства. Рядомъ съ парламентскимъ зданіемъ, оно высится, какъ памятникъ англійской старины,—мѣсто коронованія всѣхъ англійскихъ королей, начиная съ нормандскаго періода. Аббатство, дѣйствительно, служитъ нагляднымъ показателемъ народной исторіи Англіи и развитія ея культуры, такъ какъ въ стѣнахъ его—мавзолей всѣхъ выдающихся людей Великобританіи.

Еще въ 676 году одинъ изъ англо-саксонскихъ королей построилъ церковь, которую Эдуардъ Завоеватель обратилъ въ красивый храмъ святого Петра; но только при Генрихѣ III изъ дома Плантагенетовъ, именно въ 1245 году, этотъ храмъ получилъ тотъ архитектурный характеръ, которымъ отличается и нынѣ, и то названіе, какое сохранилось за нимъ въ теченіе столѣтій. Въ западной части Сити уже существовалъ соборъ святого Павла („Мюнстеръ"); въ противоположность ему новый соборъ былъ названъ „Вестъ-Мюнстеръ". Хоры и куполъ были закончены еще въ 1269 г.; но послѣдующіе короли и аббаты продолжали ихъ отдѣлку въ новоготическомъ стилѣ. Генрихъ VII, поклонникъ всего роскошнаго, велѣлъ воздвигнуть часовню своего имени и затратилъ на эту постройку огромныя деньги. При Генрихѣ VIII католическое духовенство было изгнанно изъ собора, а при Елизаветѣ—выросло самое аббатство со школами и строго-протестантскимъ уставомъ. Въ эпоху Кромвеля великолѣпное зданіе служило казармой для фанатиковъ-пуританъ и терпѣло отъ ихъ варварства не мало. Позже аббатство было реставрировано, но очень не удачно, такъ какъ прежній готическій стиль перемѣшался съ испорченнымъ классическимъ, и такое нарушеніе единства стиля поставило Вестминстерское аббатство далеко позади другихъ аналогичныхъ построекъ; но, по историческому величію своему и тонкому изяществу отдѣльныхъ частей, оно занимаетъ совершенно особое мѣсто.

Королева Александра.

Король Эдуардъ VII.

Къ коронаціи англійскаго короля.

Обрядъ коронованія былъ совершенъ предъ алтаремъ; мозаиковый полъ выложенъ въ немъ еще въ 1160 г.; фигуры и картины алтаря изображаютъ гибель вселенной. Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ соборовъ, похоронены всѣ англійскіе монархи, за исключеніемъ членовъ Ганноверской ди-

настіи, и почти всѣ знаменитые люди Англіи обоего пола, которымъ благодарное отечество воздало эту высшую почесть. Повсюду въ боковыхъ галлереяхъ виднѣются памятники, бюсты, медали и надписи, гласящія о заслугахъ ученыхъ, художниковъ и поэтовъ, въ особенности интересенъ литературный придѣлъ: тамъ не вдалекѣ отъ могилы Ченелера стоитъ простой памятникъ изъ бѣлаго мрамора, изображающій человѣка въ живописной одеждѣ временъ Елизаветы; въ лѣвой рукѣ у него свитокъ, на которомъ начертаны слѣдующія слова: „Башни подъ облака, дворцы, пышные храмы и самый земной шаръ и все, что на немъ—преходяще". Это памятникъ Шекспиру, а самъ онъ погребенъ, какъ известно, на своей родинѣ. Тамъ же почіетъ прахъ великаго Гаррика, математика Мурея и многихъ еще славныхъ представителей наукъ и искусствъ. И только величайшему національному поэту лорду Байрону отечество его отказало въ такой почести.

Великолѣпная иконопись соперничаетъ съ живописью на стеклѣ, по большей части портретнаго и историческаго содержанія. Литературный придѣлъ отдѣляется желѣзной рѣшетчатой дверью отъ девяти часовенъ, въ которыхъ погребены англійскіе монархи. Древніе англо-саксонскіе короли, въ томъ числѣ и Альфредъ Великій, покоятся въ Винчестерѣ, Ганноверская династія—въ Винзорѣ. Самая старинная и наиболѣе почитаемая часовня—Эдуарда Завоевателя, послѣдняго изъ англо-саксонскихъ королей, помѣщается позади алтаря въ центрѣ восьми другихъ часовенъ, изъ которыхъ великолѣпнѣйшая воздвигнута, какъ уже сказано, Генрихомъ VII.

Около великихъ вратъ стоятъ два коронаціонныхъ кресла: одно изъ нихъ, такъ называемое „Эдуардово", представляетъ рѣдкую реликвію: еще въ 1297 году оно было изготовленно по желанію Эдуарда I Плантагенета изъ англійскаго дуба и поставлено какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ знаменитый камень „Судьбы", вывезенный изъ Шотландіи. Мы подробно приводили уже на страницахъ нашего журнала легенду объ этомъ камнѣ: изъ Палестины онъ былъ перевезенъ на островъ Іона, потомъ въ Шотландію, въ аббатство саксонское, гдѣ короновались шотландскіе монархи; въ концѣ-концовъ камень попалъ въ Вестминстеръ, чтобы остаться въ немъ вѣроятно навсегда. Отъ старой латинской надписи, о которой говорятъ хроники, на немъ почти не осталось и слѣда.

На коронаціонномъ креслѣ возсѣдали всѣ монархи Англіи; единственное исключеніе составили несчастные сыновья Эдуарда IV, умерщвленные дядей своимъ Ричардомъ III. На второмъ стулѣ, изготовленномъ въ 1689 г. для супруги Вильгельма III, возсѣдаютъ либо королева, либо принцъ-супругъ, какъ это было при Викторіи.

Если мы изъ часовни Эдуарда перейдемъ въ часовню Генриха VII, нашимъ взорамъ представится чудо зодчества—вѣерообразный куполъ съ цвѣтными росписными стеклами, сквозь которыя льются волны мягкаго волшебнаго свѣта. Вокругъ алтаря стоятъ высокіе стулья рыцарей „ордена Бата"; каждый изъ нихъ представляетъ художественный шедевръ по тонкости отдѣлки и великолѣпію рѣзныхъ украшеній на сатирическіе сюжеты. Посреди часовни саркофагъ ея строителя и его супруги; кругомъ великолѣпная рѣзная рѣшетка.

Именно въ аббатствѣ можно наблюдать всепроходящую суетность тѣхъ мірскихъ событій, которыя въ свое время кажутся единственными и величайшими. Въ южной части собора находится, напримѣръ, памятникъ Маріи Стюартъ: мраморная фигура подъ балдахиномъ; а въ сѣверной—памятникъ королевѣ Елизаветѣ—такая же мраморная фигура подъ такимъ же балдахиномъ. Рядомъ гробница сестры Елизаветы „Кровавой Маріи", немного дальше сыновей Эдуарда IV: по приказу Карла II останки ихъ были найдены въ Тоуерѣ и преданы погребенію.

Миромъ и забвеніемъ дышетъ это королевское кладбище; и кому земной шаръ казался тѣснымъ, тотъ занялъ здѣсь меньше другихъ мѣста...

Русскія студентки въ Берлинѣ.

Въ настоящее время русскія студентки возбуждаютъ особенный интересъ въ берлинскомъ обществѣ, вслѣдствіе недавно обнародованныхъ новыхъ правилъ относительно поступленія ихъ въ университетъ.

Насколько русская студентка извѣстна въ академическихъ кругахъ, настолько ее мало знаютъ въ такъ называемомъ „обществѣ". Во всякомъ случаѣ, на нее смотрятъ еще, какъ на загадку, какъ на странный феноменъ. За малыми исключеніями общее мнѣніе нѣмецкаго бюргерства о студенткѣ таково, что это есть существо, которое хотя и принадлежитъ по внѣшности къ женскому полу, однако вовсе не имѣетъ женскихъ качествъ, носитъ коротко остриженные волосы и плохое платье, куритъ и, вообще, по своимъ занятіямъ весьма мало отличается отъ мужчины. Если это возрѣніе и не всегда оказывается вѣрнымъ, то все же оно въ нѣкоторой степени справедливо, когда рѣчь идетъ о внѣшнемъ обликѣ русской студентки. Онѣ, дѣйствительно, весьма часто забываютъ за занятіями о своемъ туалетѣ и плохо причесанныхъ волосахъ; оторванная же пуговица или рубецъ на платьѣ суть такіе недостатки, которые ихъ абсолютно не стѣсняютъ, сколько бы ни возмущались этимъ ихъ нѣмецкіе сосѣди и сосѣдки.

Рвеніе, съ которымъ русскія студентки занимаются наукою, просто поразительно, при этомъ онѣ отличаются неутомимымъ трудолюбіемъ и мужествомъ, равныхъ которымъ не найти, пожалуй, ни въ одной другой странѣ. Снабженныя деньгами въ самомъ скудномъ количествѣ, котораго обыкновенно хватаетъ только на уплату за слушаніе лекцій, пріѣзжаютъ онѣ въ Германію и единственныя ихъ средствомъ къ существованію, или по крайней мѣрѣ надеждою на таковое, является аншлагъ на черной доскѣ: „студентка даетъ уроки русскаго языка", или: „студентка принимаетъ переводы съ нѣмецкаго языка на русскій или съ русскаго на нѣмецкій". По двѣ и по три живутъ онѣ въ одной комнатѣ въ 25—30 мар.; одинъ столъ, умывальникъ, одна кровать и одинъ стулъ составляютъ часто всю мебель этого помѣщенія. Въ Шарлоттенбургѣ, въ Круммень-штрассе, въ Шиллеръ-штрассе часто живутъ на одномъ корридорѣ отъ 4 до 6 русскихъ студентокъ. Онѣ переносятъ съ стоическимъ равнодушіемъ лѣтомъ жаръ, а зимою холодъ. Кормятся онѣ въ „русской кухнѣ"—учрежденіи, которое за 50—60 пфениговъ даетъ простой обѣдъ; завѣдуютъ кухней студентъ и студентка.

Начинаются лекціи, начинаетъ работать и русская студентка. Она не пропускаетъ ни одной лекціи, аккуратно появляется со звонкомъ и исчезаетъ со звонкомъ, чтобы идти на другую лекцію. Она записываетъ лекціи съ величайшимъ вниманіемъ, обращается къ сосѣдкѣ за разъясненіемъ каждаго непонятаго слова и потомъ горячо дебатируетъ о слышанномъ съ товарищами студентами и студентками. Она составляетъ перевѣсъ на приготовительномъ курсѣ у Урбана, который до сихъ поръ читаетъ студенткамъ анатомію, и она безъ страха и робости учится вскрывать трупы. Она ни за что не станетъ пропускать лекцій, врядъ ли есть какая-либо причина, которая была бы для нея уважительной, чтобы не явиться на лекцію. Если ея дневной трудъ въ университетѣ оконченъ, то вечеромъ она опять начинаетъ трудиться надъ своимъ образованіемъ. Втроемъ, вчетверомъ читаютъ одну книгу, спорятъ о ней, идутъ въ концертъ на дешевое мѣсто, въ театръ или на художественную выставку; или она идетъ на публичную лекцію, потому что публичную лекцію всегда можно услышать, не дѣлая никакихъ расходовъ. Разсужденія относительно господствующихъ взглядовъ на отношенія мужчины и женщины—ей неизвѣстны. Отношенія ея безупречны, а что скажетъ свѣтъ—это ей совершенно безразлично. Кто можетъ подумать что-либо, если ее посѣтитъ сегодня одинъ землякъ, а завтра другой? Что можно было дѣлать, если не спорить о лекціяхъ и книгахъ. Она убѣждена, что хозяйка квартиры раздѣляетъ ея взгляды и ей никогда не пришло бы въ голову, что эта женщина сообщаетъ сосѣдкѣ съ горячностью, сколько „господъ" приходитъ къ „барышнѣ". Рѣдко бываетъ, чтобы русская студентка подружилась съ нѣмкой, а на студентовъ-нѣмцевъ онѣ не обращаютъ никакого вниманія. Онѣ не принадлежатъ ни къ какому ферейну „штудирующихъ", „абстинентокъ" или вообще ратующихъ за принципы женщинъ; ихъ нисколько не безпокоятъ заботы о реформѣ женскаго платья. Онѣ учатся ради науки, ради знанія, считая это главною цѣлью, и нисколько не интересуются успѣхами феминизма. И все-таки, несмотря на прилежаніе и невѣроятную настойчивость, многія изъ нихъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка средствъ къ существованію, останавливаются на полпути, чтобы вернуться на родину, унося въ сердцѣ тоску по наукѣ и страстную надежду на то, что онѣ будутъ еще продолжать начатое дѣло и достигнутъ той высоты, на которую поднялись ихъ болѣе сильныя или богатыя подруги.

Берлинъ, въ іюлѣ 1902 г. J.

Языкъ флаговъ.

(Къ послѣднимъ морскимъ маневрамъ).

Насъ часто поражаютъ въ открытомъ морѣ аккуратнѣйшій обмѣнъ привѣтствій посредствомъ флаговъ и отвѣты, которые даются вымпелами.

Каждая страна имѣетъ, разумѣется, свои особенные сигналы, свои кайзерфлаги и военные вымпела; но существуетъ еще также и общій языкъ, при помощи котораго мореплаватели всѣхъ націй сообщаются другъ съ другомъ.

Морское вѣдомство каждой страны имѣетъ свою особенную книгу сигналовъ. Кромѣ того, существуетъ еще международная система сигналовъ, въ которой каждой изъ 26 буквъ азбуки, включая сюда У и I, соотвѣтствуетъ отличительный флаговый знакъ. При помощи ихъ можно побуквенно составлять слова. Но обыкновенно бываетъ достаточно поднять одинъ или нѣсколько флаговъ, подобно тому, какъ это дѣлается телеграфнымъ ключомъ, для выраженія цѣлаго сообщенія.

Если одно судно желаетъ что-нибудь сообщить другому, то оно подымаетъ вымпелъ „сигнальной книги" и затѣмъ еще особенный флагъ (бѣлый или красный, перпендикулярно), подъ національнымъ флагомъ. Если встрѣчное судно выбрасываетъ такой же вымпелъ на топъмачтѣ или на другомъ видномъ мѣстѣ, то это имѣетъ значеніе „отвѣтнаго вымпела" или „я понялъ вашъ сигналъ"; тогда сообщеніе можетъ быть начато.

Ясно, что чѣмъ важнѣе сообщеніе и чѣмъ чаще оно дѣлается, тѣмъ меньше для этого требуется флаговъ. Такъ, буква „А“ (флагъ бѣлый съ голубымъ) означаетъ по сигнальной книжкѣ: „Дѣлаю полнымъ ходомъ пробную поѣздку“. „В“ (красный флагъ) означаетъ „Я нагружаю или выгружаю взрывчатыя вещества“. „С“ есть подтвержденіе, „Д“ отрицаніе. „Р“—„Я собираюсь уйти въ море“. „Q“ (желтый карантинный флагъ) означаетъ: „Я еще долженъ подвергнуться карантину“. „L“ (два черныхъ и два желтыхъ поля, расположенные діагонально) означаетъ: „Я имѣю опасную заразительную болѣзнь на бортѣ“.

„Я ѣхалъ однажды по Суэцкому каналу,—пишетъ одинъ путешественникъ,—мы сидѣли на палубѣ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и я никогда не забуду, какъ вдругъ измѣнилось настроеніе оттого, что мы внезапно узнали: въ двухъ метрахъ отъ насъ проходитъ мимо черное привидѣніе — чума! Это было намъ возвѣщено L флагомъ, который выкинулъ шедшій изъ Индіи британскій военный пароходъ“.

И сколько еще ужасовъ можетъ быть сообщено посредствомъ пары развѣвающихся по вѣтру пестрыхъ флаговъ. „Течь“ означаетъ одинъ сигналъ, „На дно“—другой, „Пожаръ на кораблѣ“, „Нѣтъ питьевой воды“, „Пришлите спасательную лодку“. Все это и еще тысячи другихъ вещей можетъ быть сказано на языкѣ флаговъ встрѣчному судну.

Въ открытомъ морѣ судно идетъ обыкновенно безъ всякаго флага; онъ подымается только тогда, когда встрѣчается другое судно. Тогда взвивается на гекѣ національный флагъ и то подымается, то опускается. Это только пустая церемонія, но какъ пріятенъ подобный привѣтъ въ открытомъ морѣ.

Въ особенно торжественныхъ случаяхъ судно убирается флагами, не только обыкновенными на обычныхъ мѣстахъ, но кромѣ того и сигнальными флагами отъ бугшприта до топъ-мачты и далѣе внизъ до гека. Это означаетъ только торжество, празднество. Тогда мирно висятъ рядомъ черно-желтый „L“ флагъ и флаги „И, К, Z“, вмѣстѣ обозначающіе, что „все на борту благополучно“.

Таковъ настоящій международный языкъ флаговъ, введенный повсемѣстно, какъ сигнализація, съ 1 января текущаго года; при помощи его мореплаватели всѣхъ націй могутъ издали обмѣниваться мыслями между собой.

Возможно, что безпроволочный телеграфъ произведетъ коренной переворотъ въ этой системѣ сообщеній людей между собой въ открытомъ морѣ.

Къ событіямъ въ Венецуэлѣ.

По странному капризу всемірной исторіи, одна изъ самыхъ богатыхъ и плодоносныхъ частей земного шара досталась народу, обреченному на вымираніе. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что англичане охотно отказались бы отъ Африки, Индіи и Австраліи ради одной только Южной Америки, и достанься она имъ, а не испанцамъ, судьбы этого края были бы совершенно иныя, чѣмъ теперь. Но испанцы не преслѣдовали цѣлей колонизаціи: ихъ единственнымъ кумиромъ было золото. Ему въ жертву они принесли не мало туземныхъ племенъ, которыя на первыхъ порахъ проявляли одно лишь миролюбіе. Когда же надежда на золото не оправдалась вполнѣ, и испанскіе авантюристы продолжали жить въ Южной Америкѣ, вѣроятно, потому, что въ этомъ чудодѣйственномъ краѣ можно было существовать не работая. Они взяли себѣ женъ туземокъ и отъ нихъ пошла раса еще болѣе низкая, нежели ея родоначальники. Люди этой расы охотно называютъ себя креолами, научное названіе имъ метисы, а наиболѣе вѣрное полуиндѣйцы. Правда, въ этомъ смѣшанномъ племени есть хорошія качества, чистота нравовъ, вѣрность женъ, ихъ скромность (съ рѣзкими исключеніями, впрочемъ, для высшихъ классовъ), у мужчинъ несомнѣнная интеллигентность, врожденный талантъ къ политикѣ, искусству, наукамъ и ремесламъ. Но съ другой стороны есть и недостатки: непостоянство, предательство, безграничное честолюбіе, зависть, а въ погонѣ за высшими должностями, забвеніе совѣсти, граничащее съ преступленіемъ. Когда эти должности достигнуты, начинается по правилу грабежъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ и въ ущербъ всей странѣ.

Такова картина нравовъ во всей почти испанской Америкѣ. Исключеніями можно считать Аргентину и Чили, отчасти потому, что тамъ пришлецы смѣшались съ однимъ изъ самыхъ трезвыхъ и нравственныхъ племенъ туземныхъ—араукаnами, отчасти же въ зависимости отъ тѣсныхъ сношеній этихъ государствъ съ Европой и извѣстнаго ея контроля. Потомъ мы назвали бы Мексику, также состоящую подъ опекой Европы и С.-Америки, государство, созданное удивительной дѣятельностью Порфирія Діаца.

Но гдѣ наиболѣе велики естественныя богатства, золото въ почвѣ и самая почва со своими тропическими произрастаніями, какъ не въ Венецуэлѣ и Колумбіи, гдѣ климатъ здоровъ, протекаетъ величественная рѣка Ориноко, гдѣ есть отличные порты; словомъ, это край, который для Соединенныхъ Штатовъ, напримѣръ, явился бы дѣйствительно землей обѣтованной, и тамъ, именно, царитъ такое невѣжество умовъ и нравовъ, что всѣ дары природы пропадаютъ втунѣ. Это явленіе тѣмъ болѣе прискорбно, что венецуэланцамъ далеко не чужды свойственныя смѣшанной расѣ способности (о нихъ мы говорили выше). Несмотря на то, что три четверти населенія Венецуэлы неграмотно, оно имѣетъ очень значительную литературу; завидное и музыкальное достояніе венецуэланцевъ, количества и качества пѣсней, изъ которыхъ иныя несомнѣнно рѣдкіе по красотѣ образцы народнаго творчества. Но правильное развитіе венецуэланцевъ тормозитъ одно вредное качество: безграничное самомнѣніе ихъ, отсюда и утрировка въ восхваленіи ими необыкновенныхъ достоинствъ государства. Съ другой же стороны, ненависть къ чужестранцамъ, доходящая порою до открытаго надъ ними насилія. Былъ случай, когда цѣлая нѣмецкая колонія Гвидадъ-Боливаръ въ 50—60 человѣкъ очутилась въ тюрьмѣ, и провела тамъ не мало часовъ, безъ всякаго основательнаго къ тому повода.

Гвидадъ-Боливаръ расположенъ у Ориноко. Въ настоящее время онъ служитъ передаточнымъ пунктомъ для англійскаго Тринидада, захваченнаго мятежниками. Поѣздка изъ Тринидада въ Боливаръ можетъ поистинѣ доставить наслажденіе—такъ красивы берега Ориноко. Главный портъ—Гуайра, средоточіе высшихъ воровскихъ... то бишь, таможенныхъ властей. Невдалекѣ обстрѣливаемый нынѣ Майкуто, въ мирное время, это купальный курортъ для жителей столицы. Отъ Ла-Гуайры проложена дорога къ Каракасу, лежащему на высотѣ почти 1,000 метровъ; она знаменита, какъ прекрасное, но безумное произведеніе строительнаго искусства. Каракасъ—столица и гордость страны. Населеніе его очень медленно ростетъ, такъ что его насчитывается нынѣ всего лишь около семидесяти пяти тысячъ. Самъ по себѣ городъ имѣетъ мало достопримѣчательностей, если не считать памятника Симону Боливару, этому южно-американскому Вашингтону, и Гуцману Бланко. Послѣдній соорудилъ себѣ памятникъ еще при жизни: онъ велѣлъ изобразить себя на конѣ привѣтствующимъ законодательное собраніе. Второй памятникъ онъ же воздвигъ себѣ въ части города, не слишкомъ лестно именуемой въ народѣ „bald él manganzon“, т. е. „пентюхъ“. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оба памятника были уничтожены во время народныхъ волненій. Но имя Гуцмана Бланко невольно просится подъ перо, когда рѣчь идетъ о Венецуэлѣ. Онъ былъ не диктаторомъ, а только президентомъ, однако, правилъ страной съ неумолимой, чисто диктаторской строгостью. И въ его правленіе Венецуэла расцвѣла: неимущіе находили у правительства щедрую поддержку, торговцы—поощреніе, іезуиты—подверглись преслѣдованію; заведены были школы для народа, проведены пути, сооружены мосты и порты. Въ гигіеническомъ отношеніи правительство Бланко сдѣлало очень многое: въ странѣ почти выродилась желтая лихорадка, этотъ бичъ Южной Америки. Правда, Бланко стяжалъ не славу, а ненависть народа, и окончилъ жизнь въ изгнаніи; молва обвиняла его въ присвоеніи 16 милліоновъ долларовъ... Но такъ или иначе, этотъ человѣкъ былъ тогда на своемъ мѣстѣ, а драконовская строгость его, быть можетъ, теперь-то и принесла бы для Венецуэлы отличные результаты.

Жалоба королевы.

Брюссельская „Реформа“ печатаетъ разговоръ одного своего сотрудника съ королевой бельгійской Генріэттой, которая, по его словамъ, имѣла очень болѣзненный видъ. Она объяснила своему гостю, что главнымъ образомъ грустныя домашнія и семейныя событія причинили ей тяжкое сердечное горе; въ особенности же наводитъ на королеву уныніе бракъ ея обѣихъ дочерей.

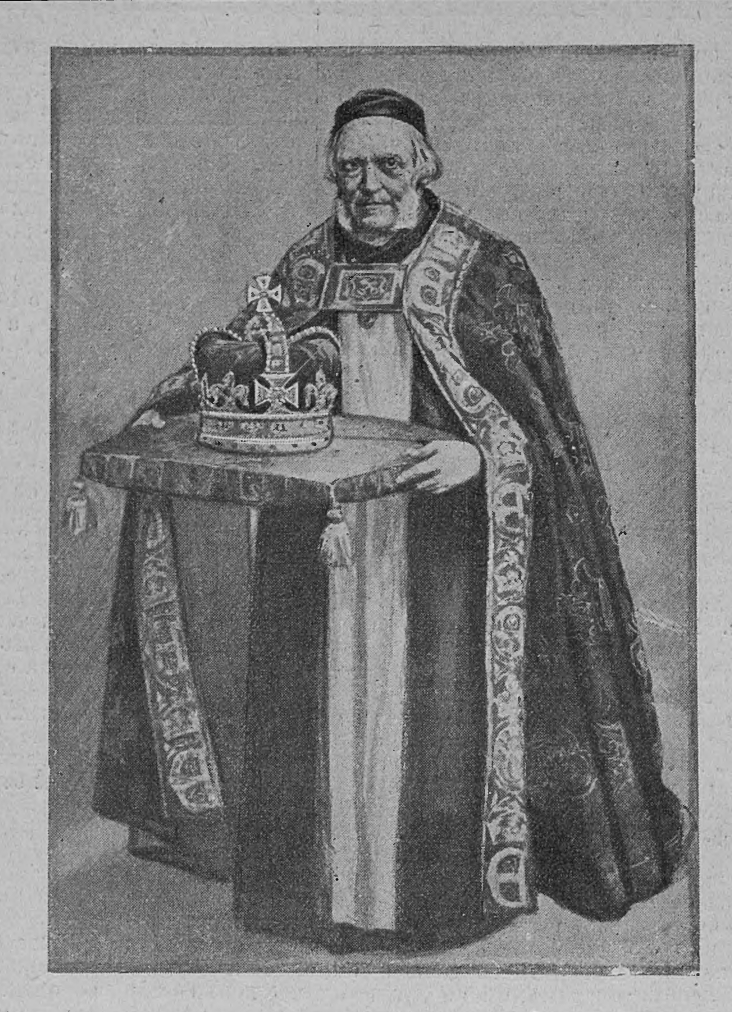
Понятно, удивленіе, которое этотъ разговоръ вызвалъ въ Брюсселѣ. Королевы не часто позволяютъ себя интервьюировать—даже рѣже, чѣмъ короли; но какъ величайшая рѣдкость случается, что монархиня въ такомъ положеніи, какъ королева Генріэтта, предаетъ свои мысли гласности. Горе должно быть очень велико для того, чтобы оно, вопреки всѣмъ придворнымъ условностямъ, открыло ротъ королевѣ для жалобы, и еще необычайнѣе тотъ случай, чтобы эта жалоба была обвиненіемъ противъ своихъ же ближайшихъ родныхъ. Извѣстія, которыя въ послѣдніе дни сообщали объ опасномъ ухудшеніи состоянія больной королевы, могли вызвать относительно мало участія. Королева Марія-Генріэтта не можетъ считаться одною изъ блестящихъ женскихъ фигуръ на королевскомъ тронѣ, она никогда не пыталась вліять на управленіе своею страною; ея персонѣ, можно сказать, осталась невѣдома большая публичность. Но цитированный разговоръ приближаетъ къ намъ ее и ея судьбу по человѣчеству, эту жизнь женщины, на долю которой въ дѣйствительности пришлось такъ мало королевскаго, такъ мало блестящаго. Бракъ короля Леопольда и его супруги, какъ извѣстно, вовсе не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, которые заключаются на небесахъ.

Это могло быть одною стороною тѣхъ „грустныхъ семейныхъ событій“, о которыхъ говорила королева. Но это не было всѣмъ: королева Марія-Генріэтта — по происхожденію австрійская эрцгерцогиня—выносила на себѣ отчасти всѣ тѣ удары судьбы, которые падали въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій на габсбургскій домъ, а одинъ изъ нихъ, а именно, до сего дня не совсѣмъ выясненная смерть кронпринца Рудольфа, затронулъ

ее и какъ мать. Она должна была видѣть, какъ бракъ ея дочери Стефаніи оказывался несчастнымъ, и затѣмъ увидѣть, какъ королевская діадема была украдена у ея дитяти при самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ. И такими были браки обѣихъ дочерей! Вдова — кронпринцесса нашла впослѣдствіи свое счастье вдали отъ трона; но, скованная старыми династическими предразсудками, королева Генріэтта сочла бракъ дочери съ неравнымъ ей по рожденію графомъ Лоніай за новое огорченіе. Родители почувствовали себя также особенно обиженными тѣмъ, что графиня Лоніай, проживая передъ самой своей помолвкой, прожила 3 недѣли въ Бланкенбергѣ, не сказавъ ни слова о своемъ рѣшеніи королевской четѣ, которая тамъ также проживала. Разрывъ между королевскимъ семействомъ и графиней Лоніай продолжался до послѣдняго времени, при бельгійскомъ дворѣ стало закономъ не произносить имени графини предъ королевской четой. Еще больнѣе должно быть королевѣ Маріи-Генріэттѣ при мысли о судьбѣ ея старшей дочери Принцесса Луиза, жена принца Филиппа Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, уже три года находится въ заведеніи для нервнобольныхъ около Дрездена, и врачи должны были отказать въ малѣйшей надеждѣ на ея выздоровленіе. Поводомъ къ переводу туда принцессы послужила ея извѣстная исторія съ ея шталмейстеромъ Маттасичъ-Кеглевичемъ. Вслѣдъ за завязавшимся процессомъ противъ шталмейстера, по обвиненію его въ подлогѣ векселей, о тягостномъ семейномъ скандалѣ заговорили даже въ австрійскомъ парламентѣ. Третья дочь королевы Генріэтты, принцесса Клементина, которой въ текущемъ мѣсяцѣ исполняется 30 лѣтъ, осталась дѣвицей; она единственная, чья жизнь до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наружно, протекала спокойно. Единственный сынъ, котораго имѣла бельгійская королевская чета, умеръ безвременно.

Всѣ эти душевныя потрясенія, безъ сомнѣнія, обострили сердечную болѣзнь королевы, которая у нея вѣроятно была уже и раньше, — и ускорили кризисъ. Къ душевнымъ невзгодамъ присоединилась еще тѣлесная слабость.

Такова грустная повѣсть королевы Генріэтты, разсказанная ею самой.

Къ коронаціи англійскаго короля. — Деканъ Вестминстерскаго аббатства съ исторической короной королей Великобританіи.

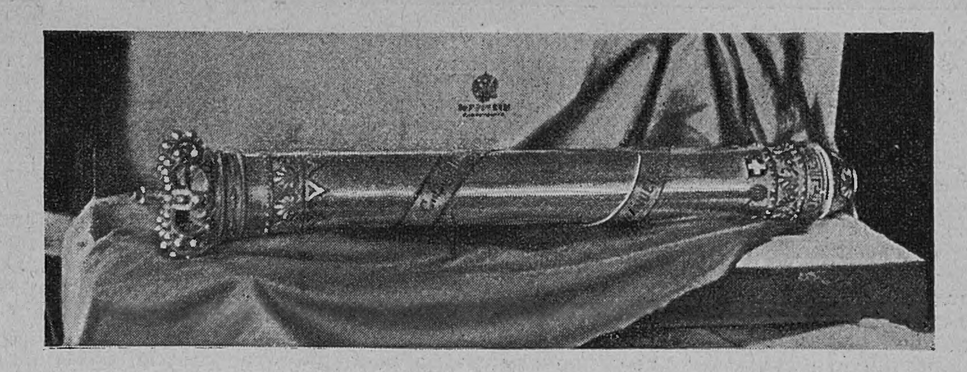
Ожерелье.

Старая исторія объ ожерельи королевы, зачитанная въ романѣ А. Дюма, увлекавшая Гете, одна изъ тревожныхъ кометъ, предвѣщавшихъ, по словамъ Мирабо, великую революцію, эта исторія вновь стала предметомъ любопытства, на этотъ разъ ученаго. Библіотекарь парижскаго арсенала Функъ Брентано произвелъ самыя тщательныя изысканія въ архивѣ Бастиліи и опубликовалъ на-дняхъ результаты своихъ трудовъ въ книгѣ „L'affaire du collier“.

Главными дѣйствующими лицами этого занимательнаго историческаго эпизода являлись Марія-Антуанета, несчастная королева Франціи, и кардиналъ де-Роганъ, близкій родственникъ короля. Роганъ былъ назначенъ

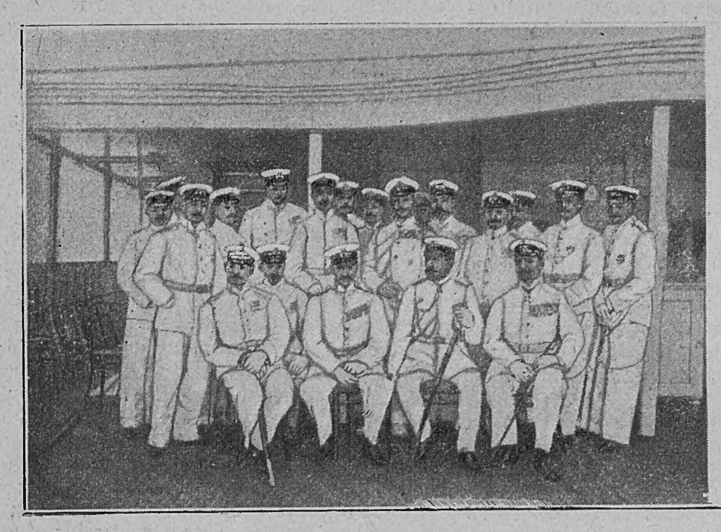
Къ коронаціи англійскаго короля. — Прибытіе короля Эдуарда VII въ Лондонъ, въ среду, 24 іюля.

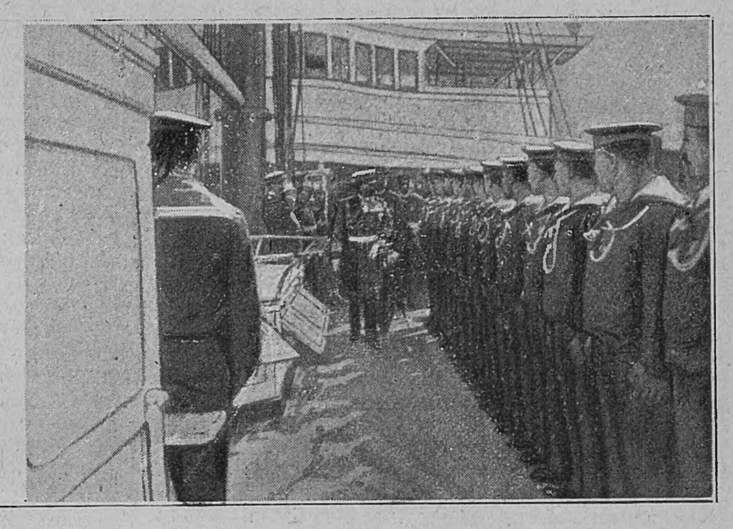
Подарокъ, поднесенный королю Виктору-Эммануилу III итальянской колоніей въ С.-Петербургѣ

Къ пребыванію въ С.-Петербургѣ итальянскаго короля.

на постъ страсбургскаго архіепископа; въ своемъ замкѣ Саверн онъ велъ очень веселую жизнь, и должностныя обязанности считалъ непріятными антрактами. При въѣздѣ Маріи-Антуанеты во Францію, онъ привѣтствовалъ ее и благословилъ; но завоевать ея симпатій не могъ. Вообще Рогану не везло при австрійскомъ дворѣ, гдѣ царилъ довольно строгій моральный режимъ. Будучи посланникомъ въ Вѣнѣ, кардиналъ завелъ у себя вечерніе пріемы, къ которымъ привлекалъ австрійскихъ аристократовъ и даже молодого императора Іосифа, и знакомилъ своихъ гостей съ наиболѣе сомнительнымъ достояніемъ французской культуры. Но по настоянію императрицы Маріи-Терезіи, нашедшей поддержку въ Маріи-Антуанетѣ, кардиналъ принужденъ былъ съ позоромъ оставить посольскій постъ. Несмотря, однако, на неудовольствія короля по этому поводу, Роганъ не отказался отъ надежды на блестящую карьеру, и въ мечтахъ видѣлъ себя вторымъ Ришелье или Мазарини, у кормила правленія. Но на пути его честолюбивыхъ замысловъ стояло одно важное препятствіе: нерасположеніе къ нему коро-

Группа офицеровъ, сопровождавшихъ германскаго императора въ Ревель на яхтѣ „Гогенцоллернъ".

Германскій императоръ Вильгельмъ II на яхтѣ „Гогенцоллернъ".

Къ пребыванію въ Россіи германскаго императора.

Къ пребыванію въ Россіи германскаго императора. — Видъ ревельской гавани.

левы. Надо было добиться милости ея. Отсюда-то и начинается исторія съ ожерельемъ. По новѣйшимъ даннымъ, открытымъ Функъ Брентано, дѣйствовавшія въ ней лица служили неразумными маріонетками для одного фокусника, быть можетъ величайшаго знатока человѣческаго сердца, знаменитаго Каліостро. Въ періодъ, предшествовавшій революціи, Парижъ кишѣлъ авантюристами, шулерами и просто сомнительными, хотя и высокотитулованными личностями обоего пола. Среди львицъ полусвѣта выдавалась Жанна де-ла-Мотъ. Изъ уличной нищенки она, по прихоти судьбы, стала графиней, для многихъ дѣйствительной, и близкой къ королевѣ особой. Подтверждалось послѣднее и тѣмъ, что она жила почти рядомъ съ Версальскимъ дворцомъ. Многіе вѣрили въ ея вліяніе на королеву; въ томъ числѣ и кардиналъ де-Роганъ.

Де-ла-Моттъ была одной изъ маріонетокъ Каліостро. Историческій шарлатанъ жилъ въ то время въ своемъ отелѣ на улицѣ Saint Claude. Какъ изобрѣтатель золотого эликсира, напитка молодости и нѣсколькихъ красокъ для волосъ, — Каліостро имѣлъ великое вліяніе на умы суевѣрныхъ и невѣжественныхъ вельможъ, которые охотно посѣщали его салонъ. Когда продаваемыя Каліостро за огромныя деньги средства не приводили къ обѣщаннымъ результатамъ, онъ ссылался на грѣховность своихъ кліентовъ; сеансами бѣлой и черной магіи окончательно дурачилъ ихъ, вызывая духъ Адама, Еноха, Ноя и др. Надо вообразить себѣ Каліостро въ ту эпоху лихорадочной погони за невѣдомыми наслажденіями, смѣси атеизма и мистицизма, низкаго разврата и проповѣди морали и гражданскихъ подвиговъ, — чтобы нарисовать во весь ростъ фигуру ловкаго мистификатора.

Завѣтная мечта де-Рогана не была тайной для Каліостро. Онъ сумѣлъ убѣдить кардинала въ томъ, что королева склонна простить его, и даже питаетъ къ нему особенный интересъ; значитъ, дорогу къ верховной власти не трудно проложить. Поддѣлать письма якобы Маріи-Антуанеты, и представить десятокъ убѣдительныхъ доказательствъ затуманенному честолюбіемъ кардиналу было вовсе не трудно для такихъ опытныхъ авантюристовъ, какъ Каліостро и Жанна де-ла-Моттъ. Затѣмъ было подготовлено рѣшительное сраженіе — личное свиданіе Рогана съ королевой. Оно состоялось 11 августа 1784 года въ Версалѣ. Роль Маріи-Антуанеты была исполнена одной кокоткой, m-lle Легуэ; при стройномъ ростѣ, розовомъ личикѣ и свѣтлыхъ локонахъ она въ сумеркахъ могла сойти за королеву. Къ тому же Каліостро озаботился предварительно напоить кардинала, а мнимой монархинѣ внушить, чтобы она не очень распускала свой языкъ, слишкомъ мало знакомый съ придворной рѣчью. Замирая въ лихорадочной дрожи, кардиналъ выжидалъ своего rendez-vous у бесѣдки Венеры. Королева приблизилась, протянула ему розу и сказала: „Вы можете надѣяться, что прошлое будетъ забыто"... Кардиналъ упалъ на колѣни. Но въ эту минуту подбѣжалъ одинъ изъ „придворныхъ" и замогильнымъ голосомъ изрекъ: „Берегитесь! Идетъ графиня Артуа!" Свиданіе на томъ и окончилось.

Теперь настало время вознаградить себя за труды. Конечно, никто не захотѣлъ бы довольствоваться щедрыми обѣщаніями кардинала. Случай и здѣсь помогъ мошенникамъ. Они знали, что ювелиры Боемеръ и Бассенжъ изготовили бриллiантовое колье, предназначая его г-жѣ Дюбарри. Но Людовикъ XV умеръ, не закончивъ переговоровъ; а Марія-Антуанета, несмотря на всѣ старанія ювелировъ, не хотѣла купить ожерелья. Своему мужу она неизмѣнно твердила: „Корабль намъ нужнѣе ожерелья" Боемеръ, кинувшись къ ногамъ королевы, грозилъ утопиться съ горя; но Марія-Антуанета посовѣтовала ему пощадить свою жизнь, а ожерелье разрѣзать на части и распродать.

Парижское общество было настроено враждебно по отношенію къ молодой королевѣ, и охотно повѣрило пущенной кѣмъ-то сплетнѣ, будто Марія-Антуанета грезитъ ожерельемъ, но король не соглашается его пріобрѣсти. Каліостро и де-ла-Моттъ надоумили кардинала купить колье и поднести его въ даръ королевѣ. Они повлекли Рогана въ лавку ювелировъ, и тамъ онъ сторговалъ драгоцѣнность за милліонъ франковъ, обязавшись выплатить эту огромную сумму въ нѣсколько сроковъ. Мнимой графинѣ, какъ другу королевы, было поручено вручить ей подарокъ. Конечно, де-ла-Моттъ нашла лучшее употребленіе для милліоннаго колье; оно было продано ею Каліостро по отдѣльнымъ камнямъ; выручку братски подѣлила между собой отважная шайка.

Боемеръ и Бассенжъ не сомнѣвались въ томъ, что кардиналъ купилъ у нихъ ожерелье по порученію королевы. И въ первый же срокъ отправились во дворецъ справиться о платежѣ. Имъ отвѣтили, что ожерелья нѣтъ у королевы. Какъ разъ явился Роганъ—то было въ день Вознесенія—служить въ королевской капеллѣ. „Кузенъ, что это за исторія съ ожерельемъ?"—спросилъ король.— „Ваше величество,—пробормоталъ кардиналъ, наконецъ, уразумѣвшій, въ чемъ дѣло,—я никого не обманывалъ; меня обманули"

Тѣмъ не менѣе, онъ былъ арестованъ, и въ то же время подверглась задержанію вся компанія шантажистовъ. Процессъ подлежалъ разсмотрѣнію парламента и долженъ былъ возстановить честь королевы. Но такъ какъ въ парламентѣ преобладала демократическая партія, враждебно настроенная къ королевскому дому, то, конечно, результаты получились обратные. Послѣ блестящей защитительной рѣчи Каліостро былъ оправданъ, де-Роганъ также, графиня де-ла-Моттъ присуждена къ плетямъ, но главная подсудимая—королева осталась обвиненной въ любовной связи съ кардиналомъ и въ другихъ поступкахъ, позорившихъ ея санъ. Какъ ужъ сказано, дѣло объ ожерельѣ было однимъ изъ предвѣстниковъ великой революціи, но въ Версали, вообще, не понимали своего времени, и это предостереженіе осталось непонятымъ.

Исповѣдь отравительницы.

Ужасный „document humain" представляетъ собою длинная, печатающаяся теперь въ нью-іоркскихъ газетахъ исповѣдь отравительницы Дженъ Топпэнъ, которая, какъ разсказываютъ, отравила не болѣе, не менѣе, какъ тридцать одного человѣка. Исповѣдь была ею написана передъ тѣмъ, какъ ее перевели изъ тюрьмы Барнстэбль въ Таунтонскій сумашедшій домъ.

Про смерть семейства Дэвисъ она разсказываетъ такъ:

„Въ іюнѣ прошлаго года меня посѣтила мистриссъ Эльденъ П. Дэвисъ. Я была ей должна деньги и хотѣла убрать ее съ моего пути. Она была очень изнурена, когда пріѣхала въ Кэмбриджъ, и разсказала мнѣ, что по дорогѣ она упала и лишилась чувствъ, такъ что ее должны были внести въ поѣздъ, но что теперь она уже немного пришла въ себя Я увидѣла, что все это для меня полезно, потому что дѣло можетъ выглядѣть такъ, какъ будто она умерла отъ болѣни сердца. Я ее устроила въ одномъ домѣ на той же улицѣ, гдѣ и сама жила. Квартиранты на лѣто выѣхали, и я оставалась одна съ нею. Послѣ того, какъ я дала м-съ Дэвисъ позавтракать и биттервассера съ морфіемъ, мы ушли изъ дому. По дорогѣ съ нею сдѣлалось дурно. Съ трудомъ довела я ее домой, уложила въ постель и дала вторую маленькую дозу. На самомъ дѣлѣ у нея была сахарная болѣзнь; она десять дней боролась со смертью, и мнѣ достаточно было давать самую маленькую порцію яду, чтобы довести ее до кончины. По данной мною телеграммѣ пріѣхалъ капитанъ Дэвисъ съ семьею, и я сказала имъ, что паденіе усилило болѣзнь. 4 іюля 1901 г. м-съ Дэвисъ умерла отъ морфія и была похоронена въ Катауметѣ".

Дженъ Топпэнъ, которая принимала участіе въ погребеніи убитой, разсказываетъ далѣе, что она жила вмѣстѣ съ капитаномъ Дэвисомъ, его дочерью мистриссъ Гордонъ и мистриссъ Эрвингъ Джиббсъ въ Джекинъ-Коттеджѣ, и что она совершила поджогъ для того, чтобы вмѣстѣ съ домомъ сгорѣли и тѣ долговыя росписки, которыя они отъ нея получили. Но капитану удалось погасить огонь, и она ему въ этомъ помогала, чтобы избѣжать подозрѣнія. Тогда она порѣшила умертвить м-съ Гордонъ, „которая очень тревожилась за своего больного ребенка". Она сама, Дженъ, любила этого ребенка и думала, что когда м-съ Гордонъ не будетъ стоять ей поперекъ дороги, она сама сможетъ сдѣлаться матерью для ея ребенка и заставить Гарри Гордона полюбить ее. Съ этою цѣлью она дала однажды вечеромъ м-съ Гордонъ минеральной воды съ морфіемъ, а когда у послѣдней сталъ замѣчаться упад къ силъ, начала усиленно ухаживать за нею. М-съ Гордонъ скончалась, и Дженъ Топпенъ опять присутствовала при похоронахъ. Теперь уже она начала подумывать о томъ, какъ бы убрать съ дороги самого капитана, такъ какъ онъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ на ней жениться, но этого не сдѣлалъ. Въ одинъ прекрасный день онъ отправился въ Бостонъ и пришелъ оттуда совершенно измученный, потому что было очень жарко. Она дала и ему яду, онъ умеръ на слѣдующій день и былъ похороненъ возлѣ своей жены и дочери. Такимъ образомъ, изъ семейства Дэвисовъ осталась въ живыхъ одна только м-съ Джиббсъ, которая затѣмъ тоже была отравлена, и это повело къ арестованію Дженъ Топпэнъ.

Врачъ нашелъ, что у м-съ Джиббсъ была сердечная болѣзнь. „Послѣ ея смерти я не пошла къ ней. Я даже не хотѣла ее видѣть, ибо питаю отвращеніе къ трупамъ. Но я вовсе не боюсь мстительныхъ духовъ. Я никогда не видала духовъ людей, мною умерщвленныхъ".

Первыми жертвами Топпэнъ были паціенты въ больницѣ, надъ которыми она производила эксперименты „съ научною цѣлью". Въ качествѣ яда она употребляла чаще всего морфій, нерѣдко вмѣстѣ съ атропиномъ. „Оба средства ослабляютъ сердечную дѣятельность и едва-ли оставляютъ слѣды, которые могутъ быть найдены врачемъ или химикомъ". Притомъ, она „не могла видѣть своихъ жертвъ страдающими". Она давала всегда одинъ и тотъ же ядъ, но всегда въ различныхъ количествахъ и разными способами, и была такъ предусмотрительна, что долгое время не навлекала на себя ни малѣйшаго подозрѣнія. Она утверждаетъ, что „большинство врачей, прежде чѣмъ подписать свидѣтельство о смерти, не даетъ себѣ труда внимательно изслѣдовать покойника". Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она отравляла людей, „врачи всегда признавали причиною смерти болѣзнь сердца, діабетъ, истощеніе силъ" и т. п. Въ

одномъ семействѣ Бриггэмъ она сбыла съ рукъ трехъ женщинъ; она и тутъ „надѣялась, что м-ръ Бриггэмъ женится на ней“. Онъ, дѣйствительно, обручился съ нею, но когда нужно было назначить день свадьбы, онъ сказалъ ей, что женится на другой. На это она отвѣтила попыткой извести и его; но когда онъ вслѣдствіе визита агента сыскной полиціи спровадилъ ее изъ дому, она увидѣла, что все потеряно. Поэтому, она сама приняла ядъ, который давала другимъ, но врачъ спасъ ее. Она пыталась повѣситься, но и это ей не удалось.

„Я все это разсказала“, говоритъ она дальше, „чтобы облегчить свою душу; теперь, когда я одна, я впадаю въ нервное состояніе. Не смотря на это, у меня есть сердце: когда одинъ другъ прислалъ мнѣ въ тюрьму незабудокъ, я заплакала, цвѣты напоминаютъ мнѣ о первомъ человѣкѣ, котораго я любила. Когда онъ отъ меня отвернулся, моя влюбчивая натура измѣнилась. Я еще смѣялась, но я уже научилась ненавидѣть. При томъ я люблю людей и охотно ухаживаю за ними. Я вовсе не морфинистка, я слишкомъ хорошо знаю ужасныя послѣдствія этого яда. Я убивала людей, чтобы убрать ихъ съ моей дороги. Если бы я была замужемъ, то, вѣроятно, не умертвила бы этихъ людей, потому что я имѣла бы тогда собственнаго мужа, собственныхъ дѣтей и свой домъ. Я прочла всѣ возбуждающіе романы, которые я могла достать въ тюрьмѣ. Мое происхожденіе покрыто тайною; я происхожу изъ воспитательнаго дома въ Бостонѣ, и была усыновлена г-жей Топпэнъ. Когда я ее спросила: „кто я такая?“—она отвѣтила:—„Взгляни на меня, а затѣмъ посмотрись въ зеркало, тогда ты будешь знать, кто ты такая“. Я также думала, что я ей родственница. Если бы я не отравила четырехъ лицъ въ одномъ семействѣ, тогда я могла бы еще многіе годы заниматься отравленіемъ людей. Это было съ моей стороны наибольшей ошибкой“..

На островѣ Капри.

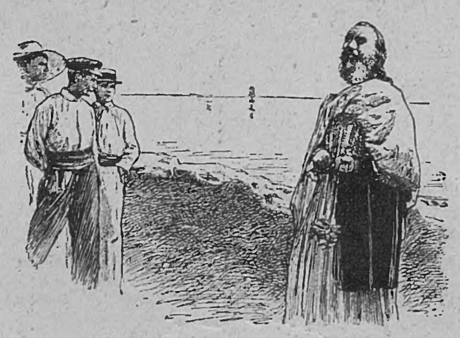
Съ давнихъ поръ островъ Капри привлекаетъ къ себѣ массу туристовъ, чему въ значительной степени способствуетъ его живописное положеніе, чудное купанье, до невѣроятности прозрачный и чистый воздухъ, и дешевизна жизни.

Въ текущемъ году, между туристами замѣтно преобладаютъ русскіе: нѣкоторые изъ отелей буквально переполнены русскими, при чемъ многіе сознаются, что имъ выгоднѣе провести лѣто на Capri, чѣмъ въ Крыму, гдѣ, при полномъ отсутствіи всякаго рода удобствъ, стоимость жизни очень высока.

Въ послѣднее время на о. Капри привлекаетъ къ себѣ вниманіе недавно прибывшій сюда изъ Германіи туристъ, нѣкто Янушъ, какъ своимъ образомъ жизни, такъ, въ особенности, своимъ костюмомъ. Все его одѣяніе состоитъ изъ бѣлой туники съ двумя длинными заворотами на плечахъ. Ходитъ онъ не только безъ обуви, но и безъ шляпы, причемъ его роскошныя бѣлорусыя кудри, развѣваясь во всѣ стороны, придаютъ ему оригинальный видъ. При своихъ прогулкахъ, онъ постоянно носитъ въ рукахъ зеленую вѣтвь какого-нибудь растенія. День и ночь онъ проводитъ на воздухѣ и питается исключительно растительною пищею. Живетъ же онъ подаяніемъ добрыхъ людей, всегда охотно приходя на зовъ каждаго изъ живущихъ въ многочисленныхъ отеляхъ острова Капри. Внѣшній его видъ, напоминая странниковъ библейскихъ временъ, привлекаетъ вниманіе любопытныхъ, и Януша обильно снабжаютъ, какъ фруктами, хлѣбомъ, такъ порою даже и деньгами.

Янушъ окончилъ курсъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, свободно владѣетъ тремя языками (нѣмецкимъ, французскимъ и итальянскимъ).

На первыхъ порахъ намъ казалось, что онъ даже не имѣетъ и понятія о такъ называемомъ „опрощеніи“, а если онъ такъ оригинально живетъ и такъ одѣвается, то только потому, что ему нравится жизнь среди природы и нераздѣльно съ нею. Онъ никогда не носитъ ни сапогъ, ни шляпы, и не имѣетъ иной одежды, кромѣ туники (легкой для юга и суконной для болѣе холоднаго климата) и не знаетъ, что такое болѣзнь. Умѣренность въ пищѣ и нѣкоторое даже голоданіе онъ признаетъ полезнымъ для своего здоровья. Имѣя страстное желаніе жить съ природою, онъ спокойно переноситъ всѣ невзгоды жизни и все время проводитъ подъ открытымъ небомъ. Не располагая денежными средствами, Янушъ живетъ подаяніемъ добрыхъ людей, причемъ на деньги смотритъ крайне презрительно и признаетъ, что безъ нихъ человѣкъ можетъ прожить столь же счастливо, какъ и при деньгахъ. Милостыни онъ, однако, не проситъ, а беретъ деньги, если ему ихъ предлагаютъ.

Странникъ Янушъ.

Все время онъ ведетъ праздную, созерцательную жизнь. Трудомъ никакимъ не занимается, признавая, что онъ и безъ труда проживетъ, и если ему нечего будетъ ѣсть, то будетъ питаться плодами и кореньями.

Родныхъ, кромѣ сестры, онъ не имѣетъ, да и эту послѣднюю онъ не видѣлъ уже давно.

Изъ бесѣдъ съ нимъ трудно было обнаружить что-либо психически болѣзненное, почему его скорѣе слѣдуетъ причислить къ своеобразнымъ оригиналамъ, какими богата наша эпоха.

О. Капри,
10 іюля.

И. Ф.

Новое про Жюля Верна.

Жюль Вернъ боленъ, повидимому, катарактомъ. Слѣпота у него почти полная. Говорятъ, что знаменитый писатель вскорѣ подвергнется операціи. Онъ живетъ въ своемъ домѣ-виллѣ на бульварѣ де-Лонгвиль въ Аміенѣ и проводитъ дни въ почти совсѣмъ темной комнатѣ.

Это ему, однако, нисколько не мѣшаетъ заниматься умственнымъ трудомъ. Жюль Вернъ написалъ новый романъ или, вѣрнѣе, продиктовалъ его. Эта книга описываетъ золотую страну „Клондайкъ“. Романистъ сказалъ одному посѣтителю: „Клондайкъ“ мое сотое произведеніе. До сихъ поръ въ печати появилось 84; 15 еще не изданы; „Клондайкъ“ доканчиваетъ сотню“. Вернъ, бретонецъ по происхожденію, переселился въ Амьенъ 18 лѣтъ тому назадъ. Городъ счелъ это большою для себя честью и избралъ новаго жителя членомъ магистрата. Уже 16 лѣтъ Жюль Вернъ состоитъ членомъ муниципальнаго совѣта въ Аміенѣ. Знаменитый писатель очень интересуется воздухоплаваньемъ, и такими словами высказалъ вкратцѣ свой взглядъ на управляемость аэростатовъ. „По моему мнѣнію, – сказалъ онъ,—прямо безуміе желать двигаться по воздуху при помощи динамита, который легче, чѣмъ самый воздухъ. На воздушномъ шарѣ, подобномъ шару Сантосъ-Дюмона, можно подыматься только при необыкновенно хорошей погодѣ. При малѣйшемъ вѣтрѣ, достигающемъ скорости 7 метровъ въ секунду, уже нельзя управлять шаромъ. Далѣе, желать подняться при помощи мотора, который можетъ каждое мгновеніе поджечь наполненный газомъ шаръ, значитъ, ѣхать въ общество смерти. Такая участь постигла Северо, и Сантосъ-Дюмонъ при малѣйшемъ взрывѣ найдетъ себѣ подобный же конецъ. 30 лѣтъ тому назадъ я основалъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Надаромъ общество „Тяжеле воздуха“. И можно добиться управляемости въ воздухѣ только посредствомъ того, что „тяжеле воздуха“. И это совершенно ясно: птица тяжелѣе воздуха, и она сама летитъ и направляетъ свой путь.

„Летательная машина никогда не будетъ совершенна; при малѣйшемъ несчастіи, съ нея будутъ падать на землю. Я зналъ одного человѣка, который построилъ себѣ крылья и объяснилъ мнѣ ихъ механизмъ. Въ теоріи это было достойно удивленія. Но когда этотъ человѣкъ захотѣлъ подняться на воздухъ съ этими крыльями за плечами, онъ полетѣлъ со своимъ аппаратомъ на землю и разбился на-смерть. Я этимъ не хочу утверждать того, что когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ не построятъ усовершенствованной машины; хотѣть отрицать это, значило бы отрицать прогрессъ. Однако, вѣрить, что аэростаты когда-либо будутъ служить подобно управляемымъ экипажамъ, было бы заблужденіемъ. Я скептикъ. Я всегда думаю о порчѣ и ломкости. На землѣ или на водѣ можно поправить порчу въ машинѣ, на воздухѣ же мнѣ это представляется невозможнымъ. Было бы все-таки проступкомъ противъ прогресса—захотѣть обезкураживать изобрѣтателей: они все-таки двигаютъ впередъ науку. Въ аэростатикѣ, во всякомъ случаѣ, не открыли много новаго. Оболочка шара, сѣтка, лодка и вентиль—все это было извѣстно уже Монгольфьѣ. Но изобрѣли легкіе двигатели; этимъ мы обязаны воздухоплаванію.

„Въ тотъ же день, когда станетъ возможнымъ заключать лошадиную силу въ карманные часы, въ тотъ же день будетъ произведенъ также переворотъ во всѣхъ средствахъ передвиженія. Аэронавты будутъ первыми, кто воспользуется этой вещью, потому что они вызвали къ жизни легкіе моторы. Но какъ бы ни были легки моторы будущаго, все же они будутъ имѣть свою „вредную минуту“, во время которой аппаратъ отказывается служить. И поэтому, я не вѣрю въ „воздушные поѣзда“, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ фантазеровъ, должны когда-нибудь замѣнить теперешнія желѣзныя дороги“.

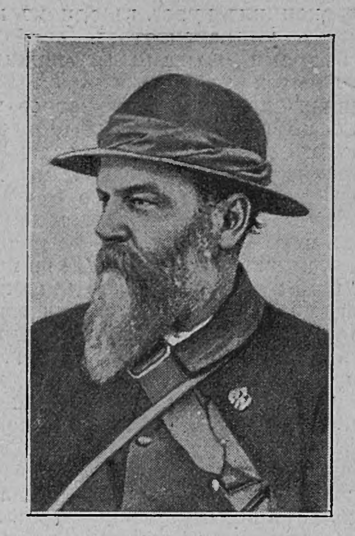
Жюлю Верну идетъ теперь 74 годъ. Хотя онъ пользуется хорошимъ здоровьемъ, все же, повидимому, слѣпота настраиваетъ его на минорный ладъ. Онъ высказался далѣе одному посѣтителю, что онъ не переживетъ глазной операціи. Можно, однако, надѣяться, что врачамъ скоро удастся возвратить зрѣніе Жюлю Верну.

АМЕРИКАНСКІЕ БРАКИ.

Ни въ одной странѣ соединеніе любящихъ сердецъ не совершается такъ быстро и безпрепятственно, какъ въ Новомъ Свѣтѣ. Обрядъ бракосочетанія выполняется либо священникомъ, либо гражданскимъ чиновникомъ. Наконецъ,

достаточно и простого договора, подписаннаго въ присутствіи третьяго лица. Обстановка для свадьбы не играетъ никакой роли. Недавно одинъ нью-іоркскій обойный магазинъ обѣщалъ ради рекламы нѣсколько сотъ рублей тому, кто повѣнчается въ витринѣ магазина. Нашелся чиновникъ, который согласился повѣнчатся, и обрядъ былъ выполненъ. Конечно, передъ окнами стояла тысячная толпа; зрителямъ роздали еще коробки съ конфектами, и реклама оказалась очень удачной. Кстати, среди зѣвакъ нашлось двое молодыхъ людей, пожелавшихъ сочетаться узами Гименея, и тотъ же „витринный" чиновникъ исполнилъ ихъ желаніе.

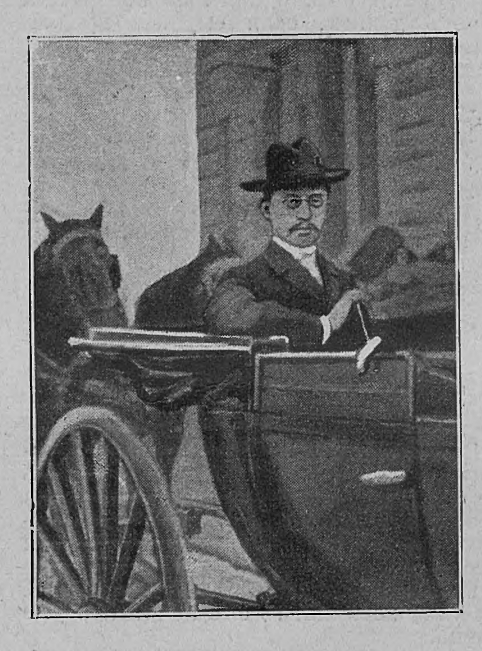

Генералъ
Лука Мейеръ.
† 27 іюля въ Брюсселѣ.

Н. И. Розенштейнъ,
завѣдывавшій редакціей „Русскаго Слова".
† 23 іюля въ Москвѣ.

Для действительности брака нѣтъ даже надобности удостовѣрить свою личность, такъ что возможны случаи вступленія въ бракъ при посредствѣ „замѣстителей". Духовныя лица конкурируютъ съ гражданскими чиновниками, и еще не такъ давно можно было прочесть въ одной газетѣ объявленіе: „Священникъ, обезпокоенный учащеніемъ браковъ, заключаемыхъ гражданскимъ порядкомъ, готовъ вѣнчать безвозмездно. Тайна обезпечена. Предложенія адресовать въ экспедицію газеты подъ „Bonisas".

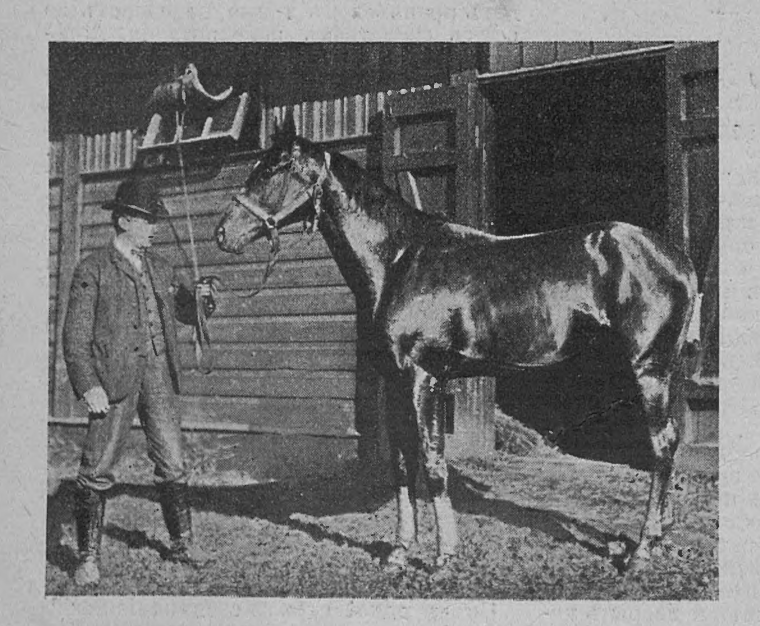
Принцъ Шира,
братъ сіамскаго короля, прибывшій въ С.-Петербургъ 26 іюля.

И у насъ прибѣгаютъ къ вѣнцу, чтобы реабилитировать честь дѣвушки. Но въ Америкѣ „честь" понимается иногда очень своеобразно. Миссъ Н. и м-ръ К. не поспѣли къ послѣднему поѣзду, уходившему изъ окрестностей въ Нью-Іоркъ. Пришлось бы барышнѣ вернуться только утромъ. А это скандалъ, котораго не потерпитъ ни одна порядочная семья. Единственное средство исправить дѣло—покрыть скандалъ бракомъ. Начинаются поиски священника или кого-либо, кто бы могъ его замѣстить. Около полуночи нужное лицо найдено, и свадебный обрядъ выполненъ. Ничего „schoking" не произошло, и добрыя традиціи спасены!

Мищель Берновъ,
извѣстный русскій пѣшеходъ-путешественникъ.
† въ Стокгольмѣ.

Бываютъ и такіе случаи. Адвокатъ, совершившій убійство, былъ приговоренъ къ смертной казни. По правилу, его могли посѣщать до дня казни лишь жена и близкіе родственники. Но у осужденнаго была подруга, съ которой онъ прожилъ много лѣтъ. Она жаждала утѣшить несчастнаго въ эти горькіе для него часы. Директоръ тюрьмы не разрѣшилъ ей частаго доступа въ тюрьму, и въ позволеніи обвѣнчаться съ осужденнымъ тоже отказалъ. Тогда отважная дама отправилась на послѣднее якобы свиданіе съ двумя еще лицами, и пока они занимали разговорами смотрителя, дала подписать брачный контрактъ своему сожителю. Свидѣтели подтвердили его дѣйствительность, и бракъ открылъ предпріимчивой дамѣ доступъ въ тюрьму.

„Сирдаръ" Г. И. Бліоха, сдѣлавшій дистанцію въ 2 вер. 376 саж. 4 фут. въ 3 мин. 36¼ сек. и взявшій призъ въ 30,000 руб.

У тотализатора.

Скачки на Удельной въ С.-Петербургѣ, 28 іюля.

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппѣръ.